

РАДИЩЕВ

Любимец капитана

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

26 коп.

Литера 7 к.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Радищев Леонид Николаевич
ЛЮБИМЕЦ КАПИТАНА

Ответственный редактор Д. Б. Коплякова. Консультант по художественному оформлению Ю. Н. Киселев. Технический редактор П. Л. Чарушина.

Корректоры Л. К. Малявко и К. Д. Немковская.
Подписано к набору 9/VI 1964 г. Подписано к печати 8/X 1964 г. Формат 70 × 90/16.
Печ. л. 5. Усл. п. л. 5,85. Уч.-изд. л. 3,705. Тираж 100 000 экз. ТП-1964 № 86. Ленинград-
ское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Заказ № 391. Цена 26 коп.

ЛЕОНИД РАДИЩЕВ

Любимец капитана

РИСУНКИ Т. КСЕНОФОНТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1964

P2 мл
P 15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лилыкино семейство

Герой получает имя

Дедушка

Вера Сергеевна

Серёжа

Кормление зверей

ЛИЛЬКИНО СЕМЕЙСТВО

Ещё совсем недавно количество населения в квартире Мельниковых исчислялось цифрой 4.

В ней проживали:

дедушка,

Вера Сергеевна,

Серёжа,

кошка Лилька.

Так было недавно. А в настоящее время население упомянутой квартиры увеличилось вдвое. Произошло это по той причине, что у Лильки появились четыре котёнка.

Само собой разумеется, что больше всего волнений и забот это событие доставило ученику второго класса Серёже Мельникову.

Теперь он не задерживался после уроков ни одной лишней минуты, а сразу же отправлялся домой. Едва переступив порог, не раздеваясь, даже не сняв ранца с плеч, он уже спешил на кухню, где в укромном уголке за сундуком стояла корзина из-под огромной бутылки — местожительство Лилькиного семейства. Просунув руку в корзину, Серёжа осторожно трогал маленькие, пушистые

комочки. Только ему и дозволялись такие вольности. На других Лилька угрожающе ворчала.

Сама она очень редко покидала своё жилище и, даже когда пила молоко, всё время беспокойно оглядывалась. Котят жалобно пищали, звали её вернуться. . .

Очень хотелось Серёже вынуть из корзины хоть одного котёночка, но Вера Сергеевна, Серёжина мама, работавшая медицинской сестрой в больнице, предупредила, что котят нельзя вынимать на свет, пока у них не откроются глаза. «Но подрастают котята быстро, — добавила она, видя Серёжино нетерпение. — И двух недель не пройдёт, как они будут смотреть!»

Однажды по всей квартире разнёсся радостный крик — даже не крик, а вопль:

— Мама, мама, иди скорее сюда! Да скорее же!

— Господи, Серёжа, как ты меня напугал! — Вера Сергеевна быстро вышла на кухню. — Что случилось?!

— Он же сам вылез, сам! — в восторге кричал Серёжа. — Ему никто не помогал!

Из корзины выглядывал котёнок с белым пятнышком на носу. Глаза у него были светло-голубые, похожие на незабудки и совсем ещё бессмысленные. Повиснув на своих ещё слабеньких коготках, он отчаянно пищал, а из корзины доносилось тревожное мяуканье Лильки. Похоже было, что белоносый решил обязательно выбраться наружу, да не хватило, должно быть, силёнок, и, сорвавшись, он упал прямо к Лильке на спину.

Рекорд белоногого продержался не больше минуты. Как видно, его пример подействовал на других котят, потому что два из них, точно по команде, тоже полезли наверх. Вот они уже добрались до самого края, вот они выглянули на свет, но и их постигла неудача — и оба полетели в знакомую, тёплую темноту корзины, где Лилька сразу же принялась их облизывать. И только четвёртый котёнок, похожий на комок свалывшейся шерсти, неуклюже копошился возле мамыши. . .

Прослышав о Лилькином семействе, к Мельниковым стали заходить соседи. Приходила Ева Гавриловна из шестой квартиры и просила оставить ей котика, обязательно котика. Приходила Адочка, дочь зубного врача С. Я. Флукса, и краснея передала папину просьбу о котёнке, а то совсем заели мыши. Майор, живший этажом выше, тоже просил не забыть о нём, когда котята подрастут.

Котята подрастали, и Серёжа решил произвести смотр Лилькиному семейству. Вытащив котят из корзины, он понёс их в комнату. Громко мяуча, Лилька бежала за ним и точно просила: «Пожалуйста, поосторожнее!»

Поставленные на гладкую, блестящую клеёнку, под яркий свет лампы котят сначала растерялись и отвечали мамаше жалобным писком, но потом освоились и поползли в разные стороны. Даже строгий дедушка с интересом рассматривал их.

— Вот этот, видишь, бойкий какой, — говорил он, показывая на белоногого. — Всех растолкал. . . Надо его

Флуксу отдать, уважить... А уж того поганца, наверно, никто не возьмёт... Экой недо-тёпа...

Точно понимая, что говорят о нём, неуклюжий толстячок подполз к самому краю стола и жалобно запищал. По виду он отличался от других котят — туловище как будто короче, а шерсть длиннее. От Лилькиных умываний она свалилась в колечки и просвечивала розовыми лысинками.

— Беденький уродец, — сказала Вера Сергеевна и взяла его

на руки, — смотрите, он весь дрожит!

Словом, на общественном просмотре толстячка забраковали. И, конечно, такая неудача сказалась на его первых детских шагах. Серёжа занимался с ним меньше, чем с другими, реже вынимал из корзины. Да и в своём семействе ему не очень-то везло. Его оттирали от мамы и, должно быть, больно покусывали, потому что частенько слышался его жалостный писк. Но куда бы его ни отпихивали, Лилька безошибочно находила беднягу, кормила и старательно облизывала.

Больше всех других котят Серёже нравился белоносый. Он был такой игрун, весельчак. Он уже научился ловить собственный хвост, умел злиться и грызть Серёжин палец.

Теперь котят нельзя было удержать в корзине, и Се-

рёжа опрокинул её набок, чтобы Лилькино семейство всегда имело свободный вход и выход. Это новое положение доставило Лильке много хлопот. Она нервничала, пыталась тащить шалунов обратно в корзину, но они стали непослушными и снова убегали от неё.

Если бы Серёжа мог, он оставил бы себе всех котят вместе с Лилькой. Но кто же позволит держать в квартире сразу пять кошек? Вера Сергеевна так и сказала ему: «Если хочешь оставить себе котёнка, тогда отдадим Лильку. Выбирай!»

Что тут было делать? И Лильку жалко, и котят не хотелось отдавать! Всё-таки Серёжа решил оставить Лильку.

И вот настал день, когда пришла Адочка Флукс и унесла с собой белоногого.

Для Лильки это исчезновение прошло незаметно. Вслед за первым котёнком покинул Лилькино семейство второй и отправился на жительство к Еве Гавриловне в шестую квартиру.

И опять Лилька ничего не заметила.

Так же благополучно отбыл и третий котёнок, которого унёс майор, спрятав за борт шинели. Хорошо, что Лилька не умела считать, — иначе не обошлось бы без слёз и крика.

Легко догадаться, что оставшийся котёнок был уже знакомый нам неуклюжий толстячок, потому что все обходили его при выборе.

И теперь для толстячка настали золотые денёчки. Он кормился возле Лильки без помехи и стал быстро расти. Он играл без устали, хватал Лильку за хвост, залезал к ней на спину и кувыркался вниз. Иногда и сама серьёзная мамаша играла с ним и так увлекалась, что он пищал во всё горло от какого-нибудь неловкого шлепка. Тогда Лилька сразу начинала его вылизывать, и он блаженно хмурился, точно принимал тёплый душ.

Дедушка ошибался, утверждая, что «поганца» всё равно никто не возьмёт. Уже имелось несколько желающих, но Вера Сергеевна сказала, что у кошки нельзя отнимать сразу всех котят, — она заскучает и может даже заболеть. Толстячка решили ещё некоторое время поддерживать около мамыши.

Теперь Лильке стало легче жить на свете. Она выходила подышать воздухом на лестницу, потом стала совершать небольшие прогулки на двор, как это бывало раньше.

Вот тогда и произошло несчастье. Как-то она вышла погулять и больше не вернулась.

Напрасно Серёжа повсюду разыскивал её. Скорее всего, Лильку украли. Она была «сибирячка» — пушистая, красивая, а характер у неё был доверчивый. Её нетрудно было взять на руки и унести.

ГЕРОЙ ПОЛУЧАЕТ ИМЯ

Если бы Серёжа мог предвидеть, что с Лилькой произойдёт такая беда, он ни за что не отдал бы белоносого. Теперь же, волей случая, у него остался неуклюжий толстячок, который и ходил как-то вкось и, похоже было, не блистал умишком.

Этот несмышлёныш никак не мог освоить той простейшей техники, которой обладает каждый начинающий кот. В то время как белоносый успел научиться вполне культурно пить молоко из блюдечка, наш герой допускал в этом несложном деле ряд грубых промахов.

Нальют ему, скажем, молока, а он начинает лизать у блюдечка пустой край. Серёжа деликатно ткнёт его в середину, и глупыш, обрадовавшись открытию (молока-то сколько, оказывается!), давясь, задыхаясь, фыркая от восторга, врывается туда всеми лапами, лакает самозабвенно, так что молоко у него и на глазах, и на ушах, и на лбу, и вдруг снова лижет край блюда.

А имя?!

Серёжа спохватился, что у его питомца до сих пор нет имени.

И начались поиски. Назвать Васькой — это уж слишком обыкновенно. Предлагались такие имена, как Маркиз, Пушок, Барсик, да уж больно неуклюж был наш герой для таких изящных имён.

На помощь пришёл случай.

Как-то дедушка взял со

стола стакан чаю в подстаканнике и хотел сесть в своё кресло. Неожиданно подстаканник выскользнул у него из рук, а именно в эту минуту наш толстяк был возле стола и содержимое стакана вылилось на него. К счастью, чай был тёплый, и незадачливый наш герой отделался лишь неприятным для него душем.

— Вот чертяка! — раздражённо сказал дедушка. — Вечно он подвернётся под руку. . .

Но у пострадавшего был такой расстроенный и несчастный вид, что дедушка добавил чуть ли не с сожалением:

— Вот уж, истинно, бедный Макар! Все шишки на него валятся!

Серёжу точно озарило: Макар!

Вот оно, имя!

Макар!

В этом имени было что-то сибирское, мохнатое, таёжное!

Оно подходило нашему герою.

ДЕДУШКА

Квартира Мельниковых состояла из двух комнат. Ту, что побольше, занимали Вера Сергеевна и Серёжа, а в соседней почти всегда находился дедушка, бывший железнодорожник, а ныне пенсионер. Когда Серёжи и Веры Сергеевны не было дома, в квартире царила нерушимая тишина, и дедушка, которому было трудно передвигаться, мирно посиживал в кресле-качалке, читал газеты, календари, решал кроссворды.

Но вот в квартире появился ещё один жилец — да какой беспокойный! Всё, что он видел, ему хотелось или потрогать, или понюхать, или подёргать, или покатать по полу. А кругом было так много завлекательно-интересного! Например, чего стоил один комод: коробочки, корзиночки с ка-

тушками и напёрстками, морские раковины, статуэтки, будильник, зеркало.

С изумлением Макар обнаружил в зеркале какого-то кота и долго старался добраться до него, царапая холодное стекло. Как-то во время путешествия по комоду над самым ухом у него раздался резкий, оглушительный звон. Уставившись на молоточек, дёргавшийся под блестящей шляпкой, Макар попятился в испуге. На пол посыпались пуговицы, катушки, бусинки.

Дедушка сердито заскрипел креслом.

— Кш, кш... пошёл прочь, поганец!.. Несчастье в доме...

Но Макар не сразу уразумел значение подобных слов и выражал настойчивое желание ближе познакомиться с дедушкой.

Однажды он с самыми наилучшими намерениями вскочил на спинку дедушкиного кресла. Дедушка в это время спокойно подрёмывал. Любопытный Макар осторожно понюхал дедушкину лысину, потом дотронулся до неё лапкой.

— Ой, кто это? — испуганно вскрикнул дедушка.

Спрыгнув на пол, Макар распушил хвост и, воинственно пританцовывая, стал подступать к креслу. Как ни странно, но дедушке стало не по себе. Он зашикал, замахал руками, бросил в Макара спичечную коробку и заставил нашего героя отступить.

С некоторым опозданием Макар понял, что в этом месте его не жалуют, и перестал заигрывать с дедушкой...

ВЕРА СЕРГЕЕВНА

И свою хозяйку хорошо узнал Макар.

Ему было известно, что при ней нельзя, например, скакивать на стол или на комод, нельзя сбрасывать мотки с шерстью, катушки, пуговицы и катать их по полу и что вообще не следует позволять себе вольностей.

Хозяйка не брала Макара на руки, не играла с ним — разве что погладит иногда мимоходом, — и голос у неё был строгий.

И всё-таки Макар её не боялся.

Когда Вера Сергеевна занималась на кухне стряпнёй, Макар неизменно присутствовал при этом. У него имелось даже постоянное место — табурет возле кухонного стола.

Но однажды он чуть не утратил этого места.

Случилось так, что Вера Сергеевна ушла зачем-то из кухни, оставив Макара одного. Только за ней закрылась дверь, как Макар очутился на столе, где лежали обвалян-

ные в муке котлеты. Подцепив котлету, он сбросил её на пол, но тут дверь открылась — и Макар был пойман с поличным.

— Ах, вот оно что! — сказала Вера Сергеевна. — Оказывается, мы умеем воровать. Ну, голубчик, это тебе так не пройдёт. . .

Она перехватила метавшегося по кухне Макара и оттрепала его за уши — не больно, скорее для вида. Он весь сжался и замер.

— Ну, ну, нечего притворяться! Подумаешь, как его избили, бедняжку! . .

После этого внушения Вера Сергеевна выставила Макара за порог, и вход на кухню был ему запрещён.

Вот когда Макар почувствовал, как много он потерял! Ведь на кухне происходили такие захватывающие, волнующие события, как потрошение курицы или рыбы, отделение мяса от костей и пропускание его через мясорубку. Тут всегда замечательно пахло и так приятно было полежать на тёплой плите.

А теперь он только издали уныло поглядывал на заветную дверь. И когда она вновь открылась для него, он не сразу даже поверил. Робко, неуверенно вошёл он на кухню и скромненько уселся на свой табуретик.

Спустя некоторое время мы могли бы видеть такую картину.

Вера Сергеевна пропускает мясо через мясорубку. Макар сидит рядом на табуретике и равнодушно поглядывает то в окно, то на потолок. Но, если понаблюдать за ним внимательнее, то становится ясно, что это сплошное притворство. Когда Вера Сергеевна точит нож о плиту, он вздрагивает. Иногда он нюхает воздух и проглатывает слюну. Уши его поворачиваются, как на шарнирах. И вдруг, уже не владея собой, он тянется к столу.

— Макар, — строго говорит Вера Сергеевна, — это что такое?

Но вот ей что-то понадобилось в комнате. Вы думаете,

она выгоняет Макара и закрывает за собой двери? Ничего подобного! Она преспокойно уходит, а Макар остаётся на кухне один. Загляните в щёлочку, проверьте его поведение! Макар ничего не тронет без разрешения, не понюхает, он даже не шевельнётся. Своей честностью он заслужил полное доверие хозяйки.

СЕРЁЖА

Правда это или нет — Серёжа не знал, — но будто бы в одном доме жил котёнок очень похожий, по рассказам, на Макара. Был он такой же неуклюжий, неловкий, и шерсть у него была мохнатая. Шло время, и у странного котёнка появились баки, кисточки в ушах, и оказалось, что это рысь.

Узнав об этой истории, Серёжа стал вести за Макаром неусыпное наблюдение. Кто знает, ведь и Макар может оказаться рысью — уже сейчас у него отрасли кисточки в

АНКЕТА

Имя: Макар
Отчество: Васильевич
Фамилия: Сибиряк

Всех неизвестных котов зовут Васьками (т.е. Василий). Раз он сибирский, то значит его фамилия Сибиряк. Есть даже такой писатель. Вы знаете?

Кто были родители: Домашние животные. Отец — неизвестный Василий. Мать — Милка.

Пропала ~~без вести~~

Надо без вести. Теперь у меня по русскому только хор.

Образование: Прохожу дрессировочные занятия с Мельниковым С.

Специальность: Кот

Чем занимаетесь в настоящее время: Ловля крыс и мышей (мух и тараканов не люблю).

ПОДПИСЬ ЗАПОЛНИВШЕГО АНКЕТУ

ушах и порядочные бачки. Но Серёжины ожидания не оправдались.

Макар не стал рысью, но зато превратился в большого и очень представительного кота. Шерсть у него была длинная, густая, цвета табачного дыма с тёмными, тигровыми полосами, хвост роскошный, усы длинные. Теперь Серёжа уже не сокрушался, что у него остался Макар, а не белоносый, и говорил не без гордости:

— Макар один такой вышел в Лильку! Настоящий сибирский! А на тех бы вы посмотрели! Точно постриженные...

К этому времени относится и анкета, которую Серёжа показывал кое-кому из своих приятелей и знакомых. Анкета была как взаправдашная: вопросы отпечатаны на машинке, а ответы заполнены от руки.

С разрешения Серёжи здесь приводится эта анкета вместе с пояснениями, которые он давал по некоторым вопросам.

Необходимо отметить, что подпись Макара является подлинной. Изобретательный Серёжа намазал Макару лапу чёрной акварельной краской и приложил к анкете. Хорошо, что акварельная краска не ядовита, и Макар отделался только тем, что ходил недолгое время с чёрным языком.

Дедушка утверждал, что коты и кошки ничего не помнят и вообще отвыкают от своих хозяев, едва только перестают их видеть.

Так ли это?

Можно ручаться, что Макар узнал бы Серёжу среди тысяч других людей. Он знал Серёжин голос, Серёжины руки. Он запомнил этот голос ещё в те времена, когда был маленьким, пушистым комочком. Эти руки почти с первых дней жизни гладили, щекотали, почёсывали, осторожно тискали его. Он научился узнавать Серёжу по шагам, скучал, когда долго не видел его, и бежал к двери, ещё издали услышав знакомые шаги. Никакой насторожен-

ности, никакой опаски не испытывал Макар, когда Серёжины руки брали его. Бывало, Серёжа подсовывал ладонь под спящего Макара и поднимал его высоко вверх. И так велика была вера в эту руку, что Макар преспокойно продолжал дремать.

Когда он подрос, Серёжа стал сажать его на шкаф. Побывать некоторое время на шкафу было довольно приятно. Там можно поворошить свёртки старых обоев и газет, зарыться в них. Но эти игры надоедали, хотелось спуститься вниз, а спрыгнуть с такой высоты было страшновато.

Макар жалобно поглядывал на Серёжу, но тот был неумолим. Макар подходил к самому краю шкафа, примерялся к прыжку, но постыдный страх охватывал его, и опять он молча смотрел на Серёжу. Он почти никогда не мяукал, и, в сущности, неизвестно было, какой голос у нашего героя.

Однажды Серёжа продержал Макара на шкафу несколько часов и тот, набравшись, наконец, храбрости, решился: сначала спрыгнул на стол, стоявший неподалёку,

а потом на пол. Препятствие было взято. А ещё через некоторое время Макар уже смело проделывал этот путь в обратном порядке: прыжок на стол, а оттуда — прямо на шкаф.

Но, пожалуй, самыми приятными были зимние вечера, когда Серёжа садился за стол делать уроки или читать. Конечно, Макар находился тут же и пристраивался под ламповым абажуром.

Иногда Серёжа отрывался от книги, щекотал его и тихо нашёптывал какие-то странные, ласковые слова: сикамбра, зиготный, кусач, котаху, хвостич. . .

Макар жмурился и дремал покачиваясь, а от лампы струилось к нему блаженное тепло.

КОРМЛЕНИЕ ЗВЕРЕЙ

У Серёжи имелся свой уголок. Там стоял письменный столик, шкаф, этажерка с книгами. Над столиком висела большая карта земных полушарий, компас и обрывок просмоленного корабельного каната. Уже при первом взгляде на эти предметы становилось ясно, что их обладатель увлекается морским делом.

Однако за последнее время в Серёжином уголке произошли заметные изменения. Стены его украсились многочисленными картинками, которые изображали львов, тигров, леопардов, пантер, барсов и прочих хищников кошачьей породы. Некоторые из них были вырезаны из журналов, другие нарисованы и раскрашены.

Бесспорно, что у Серёжи объявилось какое-то новое увлечение, но какое?!

По этому поводу Серёжа упорно отмалчивался. Только один раз приоткрыл он завесу над своей тайной. Произошло это в тот день, когда в гости к Вере Сергеевне пришла Клавдия Фёдоровна — её сослуживица и подруга — вместе со своими дочками Людой и Татой. Подруги вскоре

куда-то ушли, дедушка дремал у себя в комнате, а Серёжа остался занимать девочек.

— Хотите, я вам покажу такое, что никто не знает какое?! — с загадочным видом спросил он, усаживая гостей на диван. — Хотите?

— Хотим! — сказала, сощурясь, маленькая, толстая Тата. Она была близорука и носила роговые очки.

— А это не страшно?! — спросила Люда. Она была старшая и считалась более рассудительной.

— Немножко страшно! — снисходительно ответил Серёжа. — Но ведь я тут буду, с вами... Вы посидите одну минуточку, я сейчас приду...

Он сбегал на кухню и вернулся, держа в руке кухонный нож и фанерную дощечку, на которой лежал кусок тёмно-красного сырого мяса.

— Внимание! — Серёжа поднял палец. — Вы сейчас публика и сидите в цирке, ясно? И вы увидите сейчас кормление диких зверей!.. Одну минуточку! — добавил он и, сняв с комода зеркало на подставке, стал точить об него нож. Очевидно, зеркало уже не впервые служило ему для этих целей, потому что края его были в зазубринах.

— Ох, и влетит тебе, — сказала Люда, — всё зеркало испортил.

Серёжа не слышал или сделал вид, что не слышит этих слов, и продолжал извлекать визгливые, скрежещущие звуки, от которых мороз подирал по коже.

И вот дверь в комнату бесшумно открылась, точно сама собой, и в комнату вошёл большой, пушистый кот. Усы у него топорились, в глазах вспыхивали зелёные огоньки.

Серёжа отнесил изящный поклон в сторону публики, взмахнул фанерной дощечкой и сбросил мясо на пол.

— Алле пассе хоп! — скомандовал он. — На ар-р-ену!

Макар медленно, точно нехотя, приблизился к мясу, понюхал, полизал его, придерживая лапой, и, схватив вдруг зубами, стал раздирать на части. Несколько раз Се-

рёжа протягивал к нему руку, как будто хотел отнять мясо, и в ответ слышалось грозное рычание. Макар обращался с мясом со всеми ухватками настоящего хищного зверя, и зрителям казалось, что они видят перед собой льва или тигра, только уменьшённого, как будто на него смотрели в перевёрнутый бинокль.

Но вот хищник стал жевать медленнее, подержал остатки мяса в зубах и положил на пол. Потянулся, сладко зевая, равнодушно посмотрел в окно, потом вернулся к недоеденному кусочку и лапой подбросил его кверху.

— Всё! Зверь наелся! Зверь сыт! — объявил Серёжа тоном экскурсовода, показывающего зверинец. — Когда хищник наедается, он начинает играть с мясом и больше не просит пищи до следующего дня. . . Я ему покупаю маханину, то есть конину, которой он питается один раз в сутки. . . Теперь он даже не подходит к столу, когда мы едим! . . Куда? — повернулся он к Макару. — Алле пассе хоп! На ар-р-ену!

Сложив руки кольцом, Серёжа заставил Макара перепрыгнуть через препятствие, и тот, показав своё умение, уселся неподалёку и стал умываться.

Оглядев воображаемые ряды цирка, Серёжа поклонился. Раздались аплодисменты.

Запыхавшийся Серёжа сел к публике на диван.

— Он не то ещё будет делать! Он ещё будет прыгать на тумбочку и ложиться по моей команде. — Серёжа пылливо оглядел своих соседок и понизил голос: — Хотя вы и девчонки, но, если дадите клятву, я вам что-то такое скажу! Даёте клятву?!

— Даём! — ответили Люда и Тата.

— Так слушайте! — Серёжа наклонился к ним и сказал совсем тихо: — Я буду учиться на укротителя! Я буду укротитель диких зверей!

Поражённая Тата мигала сквозь очки, а Люда сказала:

— Но ведь ты же хотел учиться на моряка?!

Серёжа несколько не смутился. Когда у него появлялось новое увлечение, он сразу забывал о старом.

— А ты знаешь, какая храбрость нужна укротителю?! — горячо заговорил он. — Не хуже, чем моряку! Укротитель всегда с пистолетом и пожарной кишкой.

— А как же твоя мама и твой дедушка? — спросила рассудительная Люда. — Они тебе не разрешат!

Серёжа замолчал. Ах, лучше бы ему не напоминали об этом. Он крепко потёр лоб, как бы желая отогнать неприятные мысли, взгляд его задержался на Таточкиных роговых очках, и вдруг удивительная идея пришла ему в голову.

— А что если мы наденем Макару очки?! Ведь есть же кот в сапогах, а теперь будет кот в очках! Р-р-аз!

Серёжина рука схватила Макара:

— Не брыкаться! Сейчас мы тебя оформим!

Тата не успела даже пошевелиться, как очки были сняты у неё с носа и водружены на нос Макару. Сначала Макар остолбенел, потом попятился, цепляясь когтями за диванную обивку, и вдруг рванулся, точно спущенная тугая пружина. Стукнувшись о дедушкину дверь, он отпрыгнул в сторону, вскочил на стол, потом на шкаф и уселся там, дико озираясь.

— Оправа почти цела! — смущённо пробормотал Серёжа, поднимая с полу остатки очков. — А стёклышки... можно другие вставить...

В дедушкиной комнате зашкряпало кресло, послышалось оханье, кряхтенье, нетвёрдые, шаркающие шаги. Приоткрылась дверь, и на пороге показался дедушка. Он подозрительно оглядел присутствующих, которые имели весьма смущённый вид, и, заметив кота на шкафу, нахмурил косматые брови.

— Опять что-то нашкодил?

Серёжа умоляюще посмотрел на девочек.

— Да ничего такого особенного, — сказала Люда. — Тата уронила очки, и они разбились...

— Очки! — повторил дедушка, не сводя грозного взгляда с Серёжи. — Очки! А почему ты весь такой красный?!

Разговор мог принять очень неприятный для Серёжи оборот, но тут вернулись мама с подругой, и дедушка продолжал свои жалобы, обращаясь, главным образом, к Клавдии Фёдоровне.

— Вот, обратите внимание! — дрожащим голосом говорил он, показывая пальцем на шкаф. — Откормили зверюгу. . . Верите, я, когда один в квартире, просто боюсь. . . подойдёт, уставится своими буркалами. . . Он, если хотите знать, весит пять с половиной кило! Ведь его взвешивают! Анкету на него заполнили. Слыхали такое? — Дедушка задыхался от возмущения, глаза у него сверкали. — Устраивают какие-то дрессировки, страшил каких-то навешано по стенам!

Клавдия Фёдоровна внимательно слушала дедушку, поглядывая на шкаф.

Тата и Люда громко фыркнули. Дедушка нахмурился ещё больше, отвернулся и махнул рукой, как бы говоря: «Ладно, живите как хотите!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Страшная ночь

Большой мир

Рыжий Тёрт

Похож на тигра

Спасательная
экспедиция

Хирургия

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Макар ещё не знал в точности, что где-то близко, в нескольких шагах от него, живут отвратительные грызуны, тайные ночные воры. Он ни разу не видел их, но чувствовал их присутствие. Иногда он подолгу прислушивался к каким-то неясным шорохам, почти неслышной беготне под полом, к шуршанию за обоями. Он крался, пригибаясь к земле, его задние лапы пружинились, готовясь к прыжку. Он словно тренировал себя для будущих боёв с ещё неведомыми врагами.

Теперь мы попытаемся восстановить то событие, которое имело место в квартире Мельниковых в ночь с 11 на 12 января.

Вечером Макар долго сидел возле кухонного стола, напряжённо во что-то вслушиваясь. Он так был погружён в это занятие, что не обращал внимания ни на Серёжу, ни на Веру Сергеевну, заходивших на кухню.

Мы не располагаем всеми подробностями того, что здесь вскоре произошло, но тщательное расследование, которое произвёл Серёжа, всё же позволяет нам нарисовать картину с достаточной полнотой.

Примерно около часу ночи, в полном мраке, из потайной норы за сундуком вышла огромная крыса и, волоча по полу толстое, круглое брюхо и противный голый хвост, медленно поползла к столу. Эта крыса не раз и не два приводила в отчаяние Веру Сергеевну: сдвигала крышки с кастрюль, залезала в кухонный стол и даже воровала яйца. Было ясно, что тут орудует один и тот же хищник, ловкий и неуловимый. После внимательного осмотра в полу, за кухонным столом, был обнаружен ход в разбойничье логово. В него набросали толчёного стекла, поставили капкан с приманчивым кусочком сала. Но этот кусочек так и засох в капкане.

Крыса прогрызла себе другую дыру — как выяснилось позднее — за сундуком, стоявшим в углу кухни и почти никогда не отодвигавшимся.

Всё же Вера Сергеевна рассчитывала, что когда-нибудь стальная пружина капкана прихлопнет мерзкую воровку, и меняла приманки — то сыр, то колбасу, то обломок салыной свечи, то кусочек мыла.

Но уж слишком опытная была, как видно, эта крыса, потому что ни разу она не потревожила приманку.

Да и капкан пришлось убрать: Серёжа боялся, что в него случайно сунется какой-нибудь из Лилькиных котят.

Когда по комнатам и по кухне, бесшумно ступая мягкими подушечками, стал похаживать подросший Макар, крысу это не испугало. Она, по-видимому, считала, что Макар ещё мал и глуп и не имеет настоящей охотничьей квалификации. Во всяком случае, воровские налёты её продолжались и при Макаре, и до сих пор всё сходило ей благополучно.

И сегодня она, несомненно, рассчитывала пожить чем-нибудь вкусненьким.

Но всё-таки час её настал.

Наверное, очень сильной и живучей была эта крыса. Перевернутая корзинка с луком, опрокинутые банки свидетельствовали о её жестоком сопротивлении. Но никакая

сила не могла бы заставить Макара разжать зубы, пока враг ещё был жив.

А дальше он сотворил нечто такое, о чём долгое время шли разговоры и что никому не удалось разгадать.

Держа крысу в зубах, Макар приволок её в дедушкину комнату и вскочил к нему на кровать. Дедушка проснулся, закричал и дрожащими руками стал шарить по стене, ища выключатель.

Прибежала Вера Сергеевна, босая, закутанная в одеяло, заспанный Серёжа. Зажгли свет. И глазам представилась жуткая картина: на дедушкиной кровати, около подушки, лежала огромная крыса. А рядом с кроватью, на полу, сидел Макар и смотрел на всех ясными глазами.

Что он хотел выразить своим поступком? Как это нужно было понимать? Может, он посвящал дедушке свой первый охотничий трофей? Или, наоборот, сводил с ним личные счёты?

К сожалению, не было никакой возможности выяснить эти вопросы.

Серёжа отнёс крысу на помойку, Вера Сергеевна переменила бельё на дедушкиной постели, погасили свет, но

долго ещё не спали в квартире Мельниковых. Дедушка ворочался, кряхтел, отплёвывался и честил Макара, как говорится, на все корки.

В школе Серёжа, разумеется, подробно рассказывал о ночной битве, причём в его изложении получалось, что крыса была во-о-о-о-т такая!

Вернувшись домой, он обнаружил, что Макар как-то странно потряхивает головой. Оказывается, наш герой получил в ночном бою ранение — в виде царапины около носа. Не долго думая, Серёжа обмакнул ватку в йод и оказал раненому первую помощь.

Вот тут-то все и услышали, что у Макара есть голос. Он завопил так громко и отчаянно, что дедушка подскочил в своём кресле, а Вера Сергеевна прибежала из кухни.

— Ну, что ты делаешь, — укоризненно сказала она Серёже, — достаточно было промывать ранку борной... Ах, бедный Макар, бедный Макар!

БОЛЬШОЙ МИР

Не очень давно Макару представлялось, что весь существующий мир целиком помещается в квартире Мельниковых. Теперь же выяснилось, что на самом деле это не так. Достаточно было только вскочить на подоконник и посмотреть в окно.

Там, за окном, за двойными стёклами, был хорошо виден ещё один мир, большой, белый и холодный. Ветер сдувал с ледяной поверхности реки слежавшиеся комочки снега, и под ними открывался тускло-серый, грязноватый лёд. По ту сторону набережной, в саду, застыли деревья, протягивая за ограду обмороженные, голые сучья, и как бы спрашивали: «Когда же всё это кончится?!»

Но, конечно, не эти зимние картинки привлекали внимание Макара. Его волновало то, что звенело и громыhalo за окном, что вспыхивало, сыпало зелёными искрами, дви-

галось, мчалось мимо. Сидя часами на подоконнике, он то вздрагивал, то нервно постукивал хвостом, то быстро оглядывался, как бы проверяя, есть ли куда отступить.

Иногда он видел, как с наружной стороны присаживаются на подоконник вертялые, воробьи. Они были очень близко — только лапу протяни. И воробьи тоже видели совсем рядом свирепую, усатую морду, глядевшую на них в упор. В глазах у хищника зажигались зловещие огни, шерсть вздувалась, точно от ветра, когтистая лапа царапала стекло; но воробьи откуда-то знали, что сейчас этот хищник им не страшен.

Но вот стеклянной преграды не стало, и весь грохот, звон, скрип, гудение, так глухо звучавшие за двойными рамами, ворвались в комнату вместе с какими-то неведомыми, волнующими запахами.

Это произошло в апрельский день, насквозь пропитанный солнцем. В квартире Мельниковых за-

скрежетали рамы и посыпалась отвердевшая замазка. Серёжа вытаскивал клещами проржавевшие гвозди, которыми были забиты рамы, а Вера Сергеевна сметала веником мусор.

Открытое окно пугало Макара. Серёжа немедленно взялся его перевоспитывать, и для начала Макар был вынесен на двор. Земля на дворе была ещё заледеневшей, но тут и там уже проглядывали оттаявшие островки и прошлогодняя бурая травка.

Это было первое прикосновение Макара к земле. Он весь съёжился, сделался вдруг маленьким, жалким, несчастным. А тут ещё Серёжа убежал куда-то, и он остался один. И всё-таки трусишка сам нашёл дорогу домой. Почти на брюхе дополз до лестницы, взбежал по ступенькам и уселся возле своей двери, морщась и отряхиваясь.

Но не тут-то было. Появился Серёжа и опять понёс его на двор. Макар сунулся ему в куртку, точно хотел спрятаться. Решив, что для первого раза хватит, Серёжа отнёс его домой. . .

И всё-таки Макар, как видно, не мог забыть своих первых волнующих ощущений, испытанных в новом, большом мире. Со всеми кошачьими предосторожностями подходил он к раскрытому окну. Страшновато было вскочить на подоконник, но неудержимо тянуло сделать это. И вот Макар стал частенько посиживать на нём.

Воробьи быстро уразумели, что прозрачной стеклянной преграды больше не существует, и на подоконник не сажались — только летали поблизости. А Макар так расхрабрился, что стал вылезать на самый карниз.

Прошло ещё немного времени, и его увидели возле двери. Он выражал желание выйти на лестницу.

Как-то Вера Сергеевна чуть не наткнулась на него, входя в квартиру. Он остановился в открытых дверях и вопросительно на неё посмотрел.

— Ну, что же ты, — сказала Вера Сергеевна, — иди, не бойся. Ведь ты же знаешь свой дом!

Теперь уже и на дворе можно было встретить нового посетителя. Поминутно вздрагивая и оглядываясь, потряхивая лапами, когда приходилось ступать на мокрое, он боком пробирался куда-нибудь на спокойное сухое местечко. Но, увидев Серёжу, немедленно бежал к нему и, как водится, въезжал в квартиру на его плече.

РЫЖИЙ ЧЁРТ

Теперь, когда Макар стал появляться на дворе, ему неминуемо предстояла встреча с тем, кто наводил страх и трепет на кошачье племя, проживавшее в доме на Фонтанке, с тем, кто властвовал на всех лестницах, чердаках и крышах,— с самим Рыжим Чёртом.

Рыжий Чёрт был хорошо известен повсюду. Не раз, при попытке стащить что-нибудь, его ловили и отчаянно драли.

Он падал с крыш и не разбивался, жрал что придётся, знал все ходы и выходы в доме— словом, был из тех котов-прошалаг, которым всё на свете трнтрава...

С этим-то дворовым налётчиком и столкнулся вежливый, спокойный, изящный Макар.

Вот как дело было.

Имея желание подышать свежим воздухом, Макар спустился через лестничное окно на крышу дровяного сарайчика и мирно уселся на солнышке.

И вдруг откуда-то сверху плюхнулся на него длинный, узкомордый кот. Он был светло-морковного цвета с белыми пятнами, и только над глазами у него темнели два кружочка в виде копеек, что придавало ему какой-то хулиганский вид. Он тут же доказал, что такое впечатление не является ошибочным, бросившись на мирного, ничего не подозревавшего Макара.

Это было неслыханным нарушением тех правил, которых неуклонно придерживаются коты во всех странах света. Как известно, прежде чем померяться силами, они усаживаются друг против друга и начинают так называемый кошачий концерт. Но для такого бандюги, как Рыжий Чёрт, не существовало, наверно, никаких правил. Он действовал нахрапом, из-за угла. Получив несколько затрещин от Рыжего Чёрта, Макар успел вскочить в окошко и помчался по лестнице к своей двери. Но дверь была закрыта, и Рыжий Чёрт погнал его дальше. Пришлось мчаться выше, перескакивая сразу через три ступеньки. Рыжий Чёрт кусал его сзади за хвост и на площадке последнего этажа так притиснул, что Макару пришлось остановиться.

И тут, с явным опозданием, Рыжий Чёрт завёл вдруг воинственную песню. Очевидно, он считался тенором среди котов, потому что затянул неслыханно высокую ноту. Он сидел, отвернувшись от Макара, якобы не замечая его, но шерсть на его спине вздрагивала, точно сквозь неё пропустили электрический ток, а длинный, тощий хвост подметал на площадке пыль.

Теноровая нота Рыжего Чёрта тянулась минут пять, затем перешла в истерический вопль и закончилась густым шипением, как будто залили водой раскалённую сковородку. Припадая к земле, весь изнемогая, точно от зубной боли, Рыжий Чёрт пополз к Макару. Неожиданно для себя

Макар ответил ему глухим, но грозным ворчанием. Может быть, в нём заговорила гордость сибиряка, кто знает?

После этого раздался двойной визг, и оба они покатились, как большой ком разноцветной шерсти. То сверху, то снизу мелькало со скоростью световой вспышки серое, рыжее, белое и опять белое, серое, рыжее...

В это время дверь отворилась и на площадку вышла усатая, темнотица старуха с веником в руке. Это была гражданка Гуменник. Не долго думая, она несколько раз огрела вертящийся ком.

— Вон! Вон! Ах, бродяги! . .

Шерстяной ком распался на две части. Встрёпанные и яростные, противники вскочили и понеслись ещё выше — на чердак.

ПОХОЖ НА ТИГРА

Вечером Серёжа спохватился:

— Макар! Где Макар?!

— Не унесут черти твоего Макара, — пробурчал дедушка, — скажи, какая пропажа! . . В газетах надо объявить!

Часов в девять вечера, не слушая дедушкиных обещаний пожаловаться матери, Серёжа отправился на поиски Макара. Он обшарил все уголки на дворе. Увидев дворника Мироныча, он решил обратиться к нему.

В своём доме Мироныч знал всё и всех, но и он не мог сообщить Серёже ничего существенного.

— Конечно, этот кот приметный, — сказал Мироныч, — и будто он гулял сегодня во дворе. А только в точности не ручаюсь.

Тогда Серёжа решил пойти по квартирам. Он подолгу стоял у каждой двери, прежде чем позвонить. Звоночек был робкий, трепещущий. . .

— Извините, пожалуйста, за беспокойство, — говорил он, и в голосе его слышалось плохо скрытое отчаяние, — мама просила узнать, не забежал ли к вам случайно наш

кот! Такой серый, с тёмными полосами, похож на тигра. Хвост такой пушистый. . .

Его выслушивали по-разному: с улыбкой, с недоумением, а иные сердились, что к ним являются с такими пустяками.

Так, совершая свой обход, Серёжа дошёл до двери гражданки Гуменник. Если бы он только знал, что не очень давно вот у этого порога, где он сейчас стоял, начинался жестокий поединок!

— Чего, чего?! — переспросила хриплым басом гражданка Гуменник. — Какая мама? Какие коты?

Серёжа растерянно заморгал. Но она заговорила вдруг улыбочато и потише:

— Утром тут задрались какие-то коты!.. Конечно, без рыжей шкуры не обошлось, уж он везде сунется. Намедни вынесла студень студить, а он уж тут как тут. . . Ну, значит, задрался Рыжий Чёрт с каким-то котом, визг подняли под самой дверью. . . Я их, конечно, веником. . . Ка-а-ак они сыпанули наверх!..

Она подбоченилась и густо захохотала.

— Тётенька, — умоляюще спросил Серёжа, — вы не помните другого кота? Может быть, помните, такой серый, с тёмными полосками, с пуши. . .

— Чего-о-о-о?! — опять возвысила голос старуха. — Да ты в своём ли уме? Чтобы я всякую пакость помнила!

И она хлопнула дверью.

Таковы были крупницы сведений, которые собрал Серёжа после своих поисков. Вряд ли можно было сомневаться, что Рыжий Чёрт напал именно на Макара. Все данные говорили за это.

Серёжа поднялся площадкой выше. На чердачной двери висел замок. Тишина. Никаких следов.

Он постоял в раздумье. Где искать Макара? Может быть, рыжий разбойник так изранил его, что тот лежит где-нибудь без движения. Но где?

А времени было много. И уроки ещё не сделаны... Придётся вернуться сегодня ни с чем!

Вера Сергеевна пришла с дежурства в начале первого, а Серёжа ещё не спал. Она сразу заметила, что он чем-то расстроен. Выслушав, она спокойно сказала:

— Наверно, его забрали в какую-нибудь квартиру половить мышей. Ложись и спи. Утром явится. Теперь он не маленький, найдёт дорогу домой.

Ещё молчало радио, когда Серёжа на цыпочках вышел в переднюю и тихонько открыл дверь. Макара не было.

В семь часов он ещё раз вышел на площадку и стал звать Макара, но никто не отозвался.

Молча позавтракав, Серёжа собрал в сумку тетради и учебники. Сейчас он откроет дверь и в переднюю вскочит Макар.

Напрасная надежда. Понутив голову, он шёл по двору. Вот так же пропала и Лилька. Ушла и не вернулась. Не хотелось верить, что так может быть с красивым, пушистым Макаром, которого он кормил с пальца, вырастил на своих руках.

Когда Серёжа вышел за ворота, его окликнул Мироныч.

— Слышь, дружок, иди-ка сюда! Ходил я нынче до Гуменихи, носил повестку, и будто слышать — кто-то вякает с чердака. И жалобно этак. Уж не твой ли мохнач туда приبلудился.

Серёжа стоял в нерешительности. А как же школа? Придётся опоздать на урок? Но тут же он отбросил все колебания.

— Чердак запертый, — объяснил Мироныч. — Ты пойдёшь до той самой Гуменниковой. Она там бельё повесила. У неё ключ!

— Мироныч, а Мироныч, — голос у Серёжи дрогнул, — что я вас попрошу?! . Ведь она же мне не даст ключа...

Мироныч искоса посмотрел на него:

— Ладно! Пошли!

Когда Мироныч позвонил в квартиру гражданки Гу-

менник и в дверях появилась грозная, усатая старуха, Серёжа отступил за спину дворника.

— Ты, смотри, бельё не запыхи мне там сапожищами, — сказала она сердитым басом, отдавая Миронычу ключи. — Ясно?

Они поднялись на чердак. Скрипнул ржавый дверной замок, запахло мышами, пылью, сохнувшим бельём. Сквозь чердачные оконца падали широкие и прямые солнечные лучи. Густая пыль затейливо крутилась в световом потоке, насквозь вызолоченная солнцем.

На всём огромном чердаке стояла тишина.

— Будто бы не ошибся, — сказал Мироныч. — Слышать было утром, как оно вякало...

Они прошли все чердачные помещения несколько раз. Серёжа непрерывно звал Макара. Когда они решили возвращаться обратно, вдруг донёсся какой-то слабый звук.

— Стой! — сказал Мироныч. — Слышишь?!

Невозможно было определить, откуда исходит звук. То он слышался над головой, то откуда-то сбоку.

— Это оно на крыше, — сказал Мироныч.

Серёжа влез на какой-то ящик, высунулся в окошко и увидел покатую крышу, блестевшую на солнце свежей краской. Откуда-то справа явственно донеслось сдавленное, хриплое мяуканье.

— Эй, друг, ты полегче! — крикнул снизу Мироныч. — Ты это брось — соваться на крышу... Ещё отвечать за тебя придётся... Эй! Тебе говорят!

Но Серёжа не слушал его. Он лёг животом на перекладину и полез вперёд. «Эй! — слышалось снизу. — Эй!»

И казалось, что голос идёт откуда-то издалека...

СПАСАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Несколько минут Серёжа привыкал к тому, что он на скользкой и покатой поверхности. Ему было страшно подняться и посмотреть вокруг себя. Если бы мама видела, где он сейчас находится! Она закричала бы, заметалась, бросилась на улицу, стала бы звонить в «Скорую помощь», в пожарную команду, в милицию...

— И-о-у-у-у! — прозвучало где-то близко.

Серёжа поднял голову и возле трубы увидел Макара. Макар смотрел куда-то вверх. Значит, очень плохо было ему, если он жаловался вслух.

— Макар! Макарик! — позвал его Серёжа.

Но Макар ничего не слышал. «Одурел от страха», — подумал Серёжа и на четвереньках пополз к трубе. «Макар, — звал он. — Макар! Ну что ты, дурачок?!»

До трубы оставалось несколько шагов, но Макар вдруг

съёжился и в несколько прыжков оказался чуть ли не у самого карниза. «Плохо! — пробормотал Серёжа. — Не узнаёт меня».

Уши загорелись у него под шапкой. Попробуй гоняться за Макаром по крыше! Макару, конечно, что крыша, что земля. Он не страдает головокружением, не поскользнётся на своих четырёх лапах.

Серёжа отёр ладонью пот со лба. Ни о чём не думать, ни о чём не думать! Лазают же люди чуть ли не по отвесным скалам, на головокружительной высоте, а это всего лишь крыша шестого этажа.

Макар в это время сделал перебежку на прежнее место, прижался к трубе, и опять послышалось его жалобное «и-о-у-у-у!»

— Да-а-а! — вслух произнёс Серёжа. — Так у нас ничего не получится. . .

И вдруг внезапная догадка пришла ему в голову. Он вспомнил, как пугал когда-то маленького Макара, становясь на четвереньки: тот в ужасе пятился, вздыбив шерсть.

Не этот ли, ещё с детства оставшийся страх, заставляет его теперь бегать от четвероногого существа?

Да, трудно было решиться пойти в рост по скользкой крыше, но Серёжа выпрямился и сделал несколько шагов. Теперь он увидел крыши соседних домов, освещённые солнцем, и дымки над ними, просвечивающие нежнейшим розовым светом. Шум улиц казался далёким, точно в радиоприёмнике, когда включается Красная площадь.

Осторожно переставляя ноги, Серёжа добрался до трубы. Макар посмотрел на него испуганными, округлившимися глазами, но остался на месте. Серёжа нагнулся и быстро схватил его за шиворот. В таких случаях не приходится особенно разбираться.

Ведь и утопающих тащат из воды за волосы, и это считается одним из самых правильных приёмов.

Очутившись на знакомом плече, Макар судорожно вцепился в него и спрятал голову. В таком положении он проделал вместе с Серёжей нелёгкий переход к чердачному окошку.

Мируныч, нарушая правила о курении на чердаках, дымил здоровенной козьей ножкой. Когда они вышли на лестницу, он плюнул на самокрутку, притушил её и мрачно сказал:

— Тебе бы... знаешь что... за это самое?

— Мируныч, — тихо ответил Серёжа, — я очень прошу... пожалуйста... не говорите маме, что я лазил на крышу, ладно?

Мироныч что-то пробурчал в ответ. Но Серёжа не сомневался, что Мироныч будет молчать. Почему? Так Серёжа чувствовал. Вот и всё!

Теперь можно представить себе глубочайшее изумление дедушки и Веры Сергеевны, когда они увидели Серёжу. Считалось, что он находится в школе, а он явился весь измазанный, потный, красный, с шапкой, свёрнутой набок. Он опустил Макара на пол и сказал, глядя матери в глаза:

— Нашёл его на чердаке!

Все посмотрели на Макара. Вид у нашего героя был попросту жалкий. Одно ухо ободрано, усы как будто стали короче. А шкура потемнела от пыли, как невыколотенный коврик. . .

Дедушка язвительно хмыкнул и выжидающе посмотрел на Веру Сергеевну. Сейчас ученику второго класса дадут такую проборцию, что до седых волос будет помнить.

Но Вера Сергеевна молча взяла листок бумаги, написала несколько строчек и протянула Серёже:

— Быстро вымойся, приведи себя в порядок и отправляйся в школу!

Из дому Серёжа вышел с опозданием почти на два часа. В записке Веры Сергеевны было сказано, что опоздание это вызвано домашними обстоятельствами.

По дороге в школу Серёжа уже мысленно рассказывал ребятам о своём необыкновенном приключении. Целые фразы вертелись у него на языке, он видел перед собой удивлённые лица, восхищённые взгляды.

Но странное случилось дело. Никому и ничего не рассказал он в классе, и желание это у него пропало. Весь день он находился в каком-то особенном настроении. Думал он о своей маме, о дворнике Мироныче и немножечко о самом себе: всё-таки он сегодня не испугался. Было страшно, но он не испугался. . .

А Макар проспал целые сутки подряд.

Видят ли животные сны?

Насчёт этого наука не располагает достоверными данными.

Но Серёжа утверждает, что животным снятся сны, как и людям. Он сам наблюдал, как вздрагивал Макар во сне, шевелил усами, дёргал лапой. Один раз он даже оскалился и зашипел. Наверно, ему снилось то, что он пережил недавно, — и поединок с Рыжим Чёртом, и пребывание на чердаке, и чудесное спасение.

ХИРУРГИЯ

В одну из суббот Вера Сергеевна затеяла генеральную уборку. Были сняты занавеси с окон, чехлы с мебели, отодвинуты столы, шкафы, стулья. Даже дедушка получил нагрузку: он протирал влажным полотенцем всю мелочь, стоявшую на комоде и этажерке.

Пришёл из школы Серёжа, пообедал и взялся помогать матери.

— Да! — вспомнила вдруг Вера Сергеевна. — Не знаю, что такое с Макаром! Сидит всё время на кухне, не ест, не пьёт. Подошла к нему — рычит. . .

— Рычит! — возмутился дедушка. — Рычит! . . Разве коту положено рычать?!

Серёжа пошёл на кухню. Там, на табуретке, понурясь сидел Макар. Серёжа хотел погладить его, но Макар глухо заворчал. Происходило что-то странное.

Серёжа присел на корточки перед табуреткой. И опять послышалось глухое ворчанье Макара. В чём дело?

И тут Серёжа заметил, что между зубов у Макара торчит конец белой нитки. Как ни рвался, как ни рычал Макар, но Серёжа взял его на руки и понёс в комнату.

— Мама, посмотри скорее! У него что-то во рту! Видишь, кусок нитки!

— Осторожнее, Вера! — крикнул дедушка. — А вдруг он бешеный?

Но Вера Сергеевна, как медик, сразу захотела оказать помощь пострадавшему.

— Держи его крепче, — сказала она Серёже. — Лапы, лапы ему держи! . . Нет, не даётся! Мне кажется, он что-то проглотил.

— Мама! — взмолился Серёжа. — Что же делать?

Вера Сергеевна задумалась:

— Вот что! Неси его в ветеринарную лечебницу!

Но как эвакуировать такого больного? Решено было использовать для этой цели старую полотняную скатерть. Больной отбивался, но Серёжа храбро обмотал его несколько раз большой скатертью и вышел на улицу, крепко держа в руках шевелящийся тук.

Вскоре он уже стоял у окошечка регистратуры. Макара записали к хирургу. Здесь всё было, как и в любой лечебнице, только пациентами были животные. Серёжа увидел маленькую девочку, которая держала на коленях корзину и горько плакала. Из корзины вытягивал шею ручной журавль. Иногда он раскрывал клюв и бессильно свешивал голову набок. С бедным журавлём случилось несчастье. Он выбежал на улицу и попал под колёса грузовика. Теперь его принесли в лечебницу, чтобы усыпить. Тут ожидали очереди люди с заболевшими собаками, кроликами, ежами, морскими свинками. Один мальчик рассказал Серёже, что недавно сюда приносили маленького медвежонка, которому вырвали больной зуб.

Дошла Серёжина очередь. Женщина-врач спросила:

— Ну, что случилось с сереньким? Давай его сюда, под лампу!

Не успел Макар опомниться, как все его четыре лапы были перехвачены бинтами. Умелые руки крепко держали его. Взяв какую-то ложечку, врач раздвинула ему челюсти. Быстрое, почти неуловимое движение пинцетом — и она показала Серёже иголку с продетой ниткой.

Макар чихнул.

— Будьте здоровы! — сказала женщина-врач. — Кто следующий?!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

На скользком пути

 „Этому надо положить конец!“

Тревожные думы

Таинственные незнакомцы

Дни торжества

На встречу славе

По ту сторону

экрана

Любимец капитана

Последняя глава

НА СКОЛЬЗКОМ ПУТИ

В том, что Макар сделался любителем прогулок, не было, разумеется, ничего плохого, но с некоторых пор он, что называется, загулял и даже, случалось, не ночевал дома.

Такое поведение обычно не приводит к хорошему, и это лишний раз подтвердилось в неприятнейшем происшествии с Макаром.

Как-то на лестнице Макар повстречался со своим братцем, проживавшим у зубного врача С. Я. Флукса, — тем самым белоносый, который так нравился Серёже. Белоносый, как мы помним, подавал большие надежды, а теперь это был зауряд-кот, короткошёрстый, с каким-то сонным взглядом.

Они не узнали друг друга. Постояли молча, точно подыскивая тему для разговора, потом белоносый сконфуженно кашлянул и поплёлся восвояси. Макар последовал за ним. Дверь в квартиру зубного врача была открыта, и оттуда пахнуло аппетитным кухонным чадом.

О том, что было дальше, расскажет свидетельница происшествия Адочка Флукс:

— Когда я вошла на кухню, то увидела, как соседский кот прыгнул со стола, держа в зубах нашего варёного цыплёнка. Я хотела его задержать, но ему удалось пробежать мимо меня и выскочить на лестницу. После этого я стала стучать к папе в кабинет и закричала, что соседский кот стащил нашего цыплёнка, и мы с папой бросились за ним. . .

Именно в это время в квартире Мельниковых и был услышан нервный стук. Вера Сергеевна поспешно открыла дверь. Сам С. Я. Флукс ворвался в переднюю. Он был в халате и держал в руках какой-то блестящий инструмент, вроде стамески, — одно из тех страшных орудий, при виде которых мы дрожим в кабинете зубного врача. Наверное, он бросил своего пациента, который остался сидеть с раскрытым ртом в зубоврачебном кресле.

— Что же это делается?! — закричал С. Я. Флукс. — Если у вас такие коты, надевайте им намордники! Он же выхватил нашего цыплёнка!

Затем он побежал вверх по лестнице, сопровождаемый Серёжей и Адочкой.

Но настигнуть вора не удалось. Несомненно, он скрылся через выбитое стекло в окне. Пришлось вернуться ни с чем.

— Слушайте, я вам куплю другого цыплёнка, — взволнованно сказала Вера Сергеевна. — Уж вы, пожалуйста, извините. Такой вышел случай!

— Но я хочу кушать именно этого цыплёнка, — крикнул Флукс, — которого мне сварили!

Вера Сергеевна немедленно оделась, взяла сумку и пошла в магазин: она не привыкла откладывать свои обещания...

Весь вечер Серёжа сидел как в воду опущенный. Вера Сергеевна, поджав губы, гладила бельё. Серёже было знакомо это выражение её лица. Оно не предвещало ничего хорошего.

И вот поздно вечером, когда они уже собирались ложиться спать, послышалось царапанье в дверь. Серёжа искоса посмотрел на Веру Сергеевну, но та молча стелила постель, и он не решился пойти и открыть Макару. Впервые нашего героя не пустили домой, и ему пришлось всю ночь провести на лестнице. Если бы не ранний приход почтальона, неизвестно, сколько бы пришлось ждать, — день был выходной...

Появление Макара на кухне, где семейство Мельниковых сидело за завтраком, было встречено мрачным молчанием. Наконец дедушка не выдержал:

— Шкуру спустить с блудни! Вот что надо сделать!

— К сожалению, уже поздно! — ответила Вера Сергеевна, не глядя на Макара. — Наказывать нужно сразу. Он должен понимать, за что его наказывают!

— Поймё-ё-ёт! Всыпать горяченьких — ещё как поймёт! — дедушка даже притопнул ногой, что ему нелегко было сделать. — Пшёл! пшёл! Ишь расселся, как именинник!

Серёжа сидел потупясь и с усилием жевал бутерброд. . .
Так удалось Макару избежать заслуженного наказания, и очень жаль, что удалось. Возможно, он сошёл бы с того скользкого пути, на который ступил.

„ЭТОМУ НАДО ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ“

У дедушки было любимое блюдо — жареная печёнка с луковым соусом. Желая доставить ему удовольствие, Вера Сергеевна как-то с утра поехала на мясокомбинат, где можно было купить парную печёнку.

Придя домой, она положила свою покупку в алюминиевую кастрюлю, поставила её на окно. План у неё был такой: часа в три дня, когда всё семейство будет в сборе, быстренько поджарить печёнку и сразу же нести на сковородке к столу — горячую, шипящую и благоухающую луковым соусом.

Незадолго до Серёжиного возвращения из школы Вера Сергеевна вышла на кухню, чтобы взяться за подготовку к обеду, и с ужасом обнаружила, что печёнка украдена. Перевернутая алюминиевая кастрюля валялась на полу, и по всей кухне были разбросаны недоеденные кусочки.

Долго не решалась Вера Сергеевна сообщить дедушке об этом скандальном деле. Утром она показывала ему свежий, аппетитный кусок тёмно-вишнёвой печёнки, и дедушка заранее предвкушал своё любимое блюдо. «Старый — что малый», — говорит пословица. Так немного было у дедушки развлечений, что можно ему простить такую слабость. . .

Когда дедушка узнал о злодеянии Макара, он чуть не задохнулся от гнева:

— Ищи, ищи его, — кричал он, грозясь кулаком, — он дома, мракобес. . . Всё время тут болтался! . .

Вера Сергеевна вооружилась шваброй, обшарила всю-

ду — и под кроватями, и под диванами, и под стульями.

— Ишь как упрятался, шкода, — возмущался дедушка. — Да тут он, некуда ему деваться...

Похититель печёнки был обнаружен совершенно случайно. Уже отчаявшись найти его, Вера Сергеевна остановилась со шваброй посреди комнаты. Взгляд её упал на диванные подушки. Она сдвинула одну из них и вздрогнула от неожиданности. Там, прижавшись к стене, сидел Макар. Увидя, что его обнаружили, он оскалится.

— Знает кошка, чьё мясо съела! — сказала Вера Сергеевна и храбро взяла его за шиворот. Он был такой тяжёлый, что рука устала, пока она несла его на кухню. Здесь нашему герою довелось испытать унижительные минуты: сначала его постегали веником и потыкали носом в кусочки недоеденной печёнки, а после этого наглядного урока он был водворён в маленький чуланчик возле ванной комнаты и заперт на задвижку.

Пришёл из школы Серёжа. Сели обедать. За столом царило странное молчание. Серёжа вопросительно посмотрел на мать, когда после супа она стала убирать тарелки. Ни второго, ни сладкого. Странно!

— Что, не нравится сидеть на одном супчике? — зловеще сказала Вера Сергеевна. — Зато он сыт по горло! Сожрал всю печёнку...

— Сколько можно терпеть! — сразу же подхватил дедушка. — Ведь нас добрые люди стали бояться... Бывало, раньше и Флукс заглядывал поиграть в шахматы, а теперь ни ногой...

Вера Сергеевна строго посмотрела на Серёжу.

— Он сидит в чулане! И не смей выпускать его!

Серёжа молчал. Он знал, что в таких случаях надо переждать грозу. Но Вера Сергеевна точно прочитала его мысли.

— И не воображай, что я передумаю... На, этот раз номер не пройдёт... всё! И вообще хватит! Этому надо положить конец. Завтра же попрошу Мироныча занести его куда-нибудь...

— Не надо его заносить, — опять вмешался дедушка. — Его надо отнести в лечебницу и усыпить. А сколько будет стоить — я заплачу...

Серёжа замер. Вера Сергеевна ничего не ответила и стала молча убирать со стола.

Вечером, когда она начала собираться на дежурство, Серёжа потёрся около неё и жалобно засопел.

— Мама, прости Макара!

— Нет, нет! — резко ответила Вера Сергеевна. — Хватит. Не надо нам котов... Во всяком случае, у нас его не будет... Ты уже большой парень, а у тебя только кот на уме!

И с этими словами она ушла.

— Ну что, доигрался? — спросил дедушка.

— Ну и ладно, — буркнул Серёжа. — Старый человек, а такой... злой!

— Что, что?

Серёжа ничего не ответил. Надо быстро, быстро обдумать, что делать дальше. А сейчас, пока нет мамы, можно выпустить Макара из чулана.

ТРЕВОЖНЫЕ ДУМЫ

Белая ленинградская ночь за окном. Серёжа задёрнул занавески, постелил себе на диване, забрался под одеяло. Прошло минут десять, и он почувствовал лёгкое сотрясение диванного валика под головой. Конечно, это был Макар.

Вера Сергеевна не любила, когда Макар спал у Серёжи. Она частенько проверяла перед сном, где обретается наш герой. Но Макар научился прятаться в этой же комнате, чаще всего под кроватью самой Веры Сергеевны.

Когда Макар убеждался, что опасность миновала, он бесшумно выходил из своего убежища. Дальше всё шло как по нотам. Макар вскакивал на диванный валик и ждал, когда Серёжа тихонечко подаст ему знак.

Так было и теперь. Но Серёжа лежал молча и неподвижно.

«Му-о-о-о-у-у!» — раздалось у него над самым ухом. Странно и тревожно прозвучало это в тихой, тёмной комнате.

Тогда Серёжа даже не прошептал, а продышал:

— Макар!

Чуткое ухо Макара уловило это почти неслышное слово. Он сошёл с валика на подушку и, проваливаясь в ней лапами, выпуская когти, долго ворочался, стараясь устроиться поудобнее. Наконец загудел, привалившись к Серёжиной щеке.

— Ах, Макар, Макар, — прошептал Серёжа, — что ты натворил!..

Он ясно представил себе, как Мироньч, запрятав Ма-

кара в свою огромную овчинную шубу, уносит его куда-то далеко. Вот он заходит в чужой двор, оглядываясь, вытряхивает Макара и быстро уходит... Конечно, люди подберут такого красавчика!.. Но, ведь разные бывают люди! Одни любят и заботятся о животных, а другие даже ненавидят их, гонят, бьют. А бывает, что не дают им есть и всё-таки держат. Но Макар не будет жить и у хороших людей. Он слишком привык к своему дому. При первом удобном случае он удерёт и, конечно, заблудится...

И Серёжа увидел несчастного, голодного, бродячего кота с диким, затравленным взглядом... А если будет приведено в исполнение то, о чём говорил дедушка?! Макару дадут понюхать ватку, и он уснёт навсегда...

Правда, мама не согласилась на это кровожадное предложение, но от намерения занести Макара она не отказалась. «Завтра же попрошу Мируныча занести его куда-нибудь!»

А оно уже наступает, это завтра. Серёжа уйдёт в школу,

мама вернётся с дежурства. Уж конечно, дедушка постарается напомнить ей о том, что она хотела сделать.

Как же быть? Объявить себя больным? Но старшая медицинская сестра очень хорошо разбирается в этих делах. Она проверит и зубы и горло и тут же измерит температуру... Уговорить Мироныча, чтобы он не заносил Макара, а подержал у себя до прихода Серёжи из школы?! А дальше что? ..

Он вскочил с постели без четверти восемь. Макар недовольно заворчал. «Спрятать его, — подумал Серёжа, — спрятать так, чтобы его не нашли! Но куда?»

Страдая от того, что не может найти никакого решения, Серёжа растерянно бродил по комнате. Надо было уже выходить из дому, а он ещё не мылся, не завтракал.

«Уже опоздал», — с отчаянием подумал он и опять остановился в нерешительности. А что, если всё-таки не пойти в школу?! Но мать никогда не давала ему таких поблажек. Значит, будет тяжёлый разговор и пойти всё равно придётся.

Тогда он схватил горбушку хлеба, три кусочка сахара и, не глядя на Макара, выбежал на лестницу.

А в школе все были весёлые, уже обсуждались планы на лето, но Серёже было не до них. Когда на большой перемене Валерий Кузнецов, прославившийся тем, что поймал на спиннинг какую-то особенную полосатую жабу, выразил согласие обменять свою катушку с жилкой на Серёжин складной ножик, тот отнёсся равнодушно к этому долгожданному предложению.

Он едва дождался окончания занятий и даже поехал домой на трамвае, хотя идти было всего две остановки.

Вот большой серый дом на Фонтанке. Открытое окно. Ещё издали Серёжа увидел на подоконнике Макара, который возлежал с таким видом, как будто солнце светило только лишь для того, чтобы согреть его шкуру.

Мимо окна прошли старуха и девочка в панамке. Девочка поглядела на Макара, заулыбалась и тоненьким го-

лоском крикнула: «Бабушка, смотри, смотри какой!» Они остановились. «Кис, кис, кис!» — позвала девочка. Макар презрительно сощурился. Обращение вроде «кис, кис!» подходило для какой-нибудь кошечки с голубым бантом. Макар же знал только своё имя.

С гордостью Серёжа отметил, что дети вообще не могли равнодушно пройти мимо Макара. Они его звали, тянулись погладить, а совсем маленькие просили маму или тётю достать

его. Да и взрослые, явно занятые люди, частенько останавливались, улыбались, пощёлкивали пальцами, проходя мимо окна. А он лежал величественно-невозмутимый, поблёскивая серебристым ворсом своей роскошной шубы...

Серёжа сложил руки рупором:

— Макар!

Наш герой встрепенулся. Увидев Серёжу, он сполз на край подоконника. Теперь оставалось только подставить ему плечо.

Но на этот раз Серёжа воздержался от этой обычной дружеской встречи. Надо было ещё разведать, какова обстановка.

Матери дома не было. Она только заглянула утром и сейчас же ушла, оставив Серёже записку с хозяйственными поручениями: вычистить картофель, пропустить два раза мясо через мясорубку, плотно закрыть дверь на кухню.

В этом последнем распоряжении содержался какой-то намёк на необходимость охранять мясо от... От кого? Ага, так! Значит, присутствие Макара ещё считалось возможным.

Не заходя к бабушке, Серёжа умылся, надел фартук и взялся за дело. Конечно, Макар тоже пытался проникнуть на кухню, но Серёжа его не пустил.

Макар поцарапался в дверь. Никакого ответа. Огорчённый, постоял он некоторое время в ожидании, а потом отправился обратно на подоконник.

Какими незначительными кажутся все эти события! Ну, не пустили на кухню, ну, отправился обратно на подоконник!

А между тем, не окажись Макара на подоконнике в этот час, судьба его могла бы сложиться совсем по-иному.

ТАИНСТВЕННЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Они медленно прошли мимо окна, на котором сидел Макар, о чём-то горячо споря.

— Погляди-ка сюда, — сказал высокий, в плаще цвета лимонной корочки. — Нет, сюда!

Его спутник, коротенький и толстый, в диковинных квадратных очках, поднял голову.

— Фу-ты, какой пышный, — разнеженно произнёс он и стал царапать подоконник ногтями.

Он, конечно, не знал, с кем имеет дело. Ведь такие дешёвенькие штучки могут действовать на недалёких, мало-развитых котов, которые наивно воображают, что где-то рядом скребётся мышь. Макар даже усом не повёл.

— Знаешь что, — сказал высокий, не сводя взгляда с Макара. — А ведь это любимец капитана! Вот такого мог бы полюбить Джеральд Мак-Морней. И все бы этому поверили — и маленькие и большие... А то, что мы сейчас имеем, — типичное не то. Вот мы с тобой говорим,

что всё должно быть у нас правдиво, начиная от гвоздя, вбитого в палубу шхуны. Но это не гвоздь, а любимец капитана, и мы с тобой промахнулись, взяв первое, что нам подвернулось. . . Нам не поверят!

— Да-а-а, — задумчиво протянул очкастый.

И они опять горячо заговорили о чём-то, что было понятно только им.

Серёжа, вышедший на минутку из кухни, услышал громкий разговор и поспешил к окошку. Возле окна расхаживали мелкими шажками два человека и громко спорили. Макар поднялся, почувствовав приближение Серёжи.

— Ах, крупный план, — восхищённо сказал очкастый и, увидев Серёжину голову в окне, серьёзно обратился к нему:

— Скажите, молодой человек, это вам принадлежит данный красавец?

Серёжа ничего не понял. Он во все глаза смотрел на дикийнские очки, на плащ лимонного цвета. Эти люди были непонятны, дразнили воображение.

— Повторяю свой вопрос, — сказал очкастый: — Это вы являетесь котовладельцем?!

Серёже стало смешно. Котовладелец! Такого и слова-то не бывает. И вдруг он вспомнил, что на нём мамин кухонный фартук, и смутился.

— Если вы позволите, мы к вам заглянем на минутку!

— По. . . пожалуйста, — пробормотал Серёжа, — вот в эту дверь. . . Сразу с парадного. . . налево.

Он только успел снять с себя фартук, как незнакомцы уже позвонили в квартиру. Войдя в комнату, они почти тельно поздоровались с дедушкой.

— Вы из Электротока? — спросил дедушка.

— Нет, мы не из Электротока, — мягко сказал очкастый. — Просим извинить за беспокойство. Мы по другому вопросу!

Дедушка предложил присесть. Они поблагодарили и, улыбаясь, стали смотреть на Макара, который в это время

старательно умывался, усевшись на солнечный блик. Иногда он останавливался, забывая при этом убрать розовый язычок.

— Прелестно, — сказал очкастый.

Дедушке это сразу не понравилось. Что-то несолидное, несерьёзное, праздное показалось ему в этих людях. И что им, интересно знать, требуется здесь?

А Серёжа затаив дыхание смотрел на них и ждал чего-то необычайного. Неожиданно для себя он выпалил:

— А я знаю... Вы из цирка?!

— Не совсем, — ответил очкастый, — хотя у нас отличные отношения с цирком. Мы — кинорежиссёры и хотим пригласить вашего кота сниматься в картине!

Дедушка заёрзал в кресле. Начинались какие-то глупые шутки, и участвовали в них взрослые, незнакомые люди.

— Мы с товарищем, — продолжал очкастый, — ставим сейчас одну очень интересную картину... очень интересную, — он зажмурился от удовольствия. — По мотивам рассказов Джека Лондона...

Серёжа не понял, что означает это «по мотивам». Он подумал, что в картине будут петь, и решил завтра же спросить в школе у Зои Петровны, что это означает.

— Там будут пираты, кораблекрушения, погоня за золотом, бунт матросов, но дальше не стоит рассказывать, а то будет неинтересно потом смотреть. А самый главный у нас в картине — это капитан Джеральд Мак-Морней. И у него есть любимый кот, которого он спасает во время кораблекрушения. И ещё дрессированная мартышка... Но больше я ничего не скажу... Так вот, нам теперь кажется, что любимец капитана — перед нами... Если вы выражаете согласие, в этой роли будет сниматься... Простите, мы ещё незнакомы...

— Макар! — сказал Серёжа. — Его зовут Макар... А вы его сразу унесёте с собой?

— Ни в коем случае! Вы сами нам доставите его на киностудию... Вы бывали на Петроградской стороне?

Серёжа, как всегда, заторопился высказать разом всё, что ему известно: он бывал на Петроградской стороне, знает, где находится киностудия. Очень близко за мостом. . .

— Могу торжественно обещать, — сказал очкастый, — что ни один волос не упадёт с драгоценной шкуры Макара. . .

Дедушка не мог больше молчать. Его возмущало, что взрослые люди сидят и разговаривают о каком-то коте. . .

— Я, конечно, извиняюсь! Я простой человек, но я понимаю так: есть действительно интересные, передовые животные, как например у дрессировщика Дурова, но что же можно найти в подобном коте? . . И напрасно вы сбиваете мальчишку. . . Это всё шутки, товарищи, а он и так у нас свихнулся. . .

— Простите, вы нас неправильно поняли, — ответил высокий. — Мы не шутим. Мы говорим совершенно серьёзно.

Дедушка побагровел и замолчал. Поди разберись, что тут происходит!

— А мне. . . можно будет посмотреть. . . когда его будут снимать на картину? — робко спросил Серёжа.

— Конечно, — ответил высокий. — Вы сможете присутствовать на съёмках.

Он вырвал листок из блокнота, спросил Серёжины имя, отчество, фамилию и, достав из кармана авторучку, написал несколько коротеньких строчек.

— В субботу к четырём часам можете? Очень хорошо! В проходной предъявите эту записку. Там дадут вам пропуск и покажут, куда идти. . .

Пока высокий разговаривал с Серёжей, очкастый пытался погладить Макара. Макара оскалился и зашипел.

— Он не кусает. . . Он только так, — забеспокоился Серёжа. — Он немножечко дикий. Но зато он умеет прыгать через обруч.

— Тем более, — сказал очкастый. — Значит, мы с вами договорились, молодой человек?! . До свидания!

ДНИ ТОРЖЕСТВА

Листок из блокнота со штампом «Ленфильма» был наглядным доказательством того, что всё происшедшее не приснилось Серёже, а существовало наяву. Там было написано, что тов. Мельников С. А. участвует в киносъёмке и что его просят явиться на киностудию, имея при себе 1 (одного) кота. Внизу стояла мудрёная подпись, похожая на засушенного паука.

Никогда ещё Серёжу не называли «тов. Мельников». Он даже и не подозревал, что это так приятно.

Но самое главное, самое замечательное, что можно было прочитать в строчках маленького листка из блокнота, — это, конечно, спасение Макара.

Вернувшись с работы, Вера Сергеевна долго и подозрительно разглядывала бумажку со штампом «Ленфильма».

Она слушала захлёбывавшегося от восторга Серёжу и снова рассматривала листок. Зная изобретательность своего сына, она допускала, что он выкинул какой-то новый трюк, чтобы вызволить Макара из беды. На такие дела он был мастер. Достаточно припомнить сострепанную им анкету, которая почти не отличалась от настоящей.

Но как ни сомневалась она, а пришлось поверить — ведь тут же находился дедушка, живой свидетель. Рассказывая ей о чудесном происшествии, Серёжа всё время прибавлял: «Вот спроси у дедушки! Дедушка слышал!»

Дедушка имел растерянно-оскорблённый вид, но и отрицать факты он, конечно, не мог.

Так, по необычайному стечению обстоятельств, самая большая шишка, которая готова была свалиться на бедного Макара, миновала его. А для Серёжи наступили дни торжества.

Не только второй класс, но и вся школа узнала о необыкновенном сибирском коте и, конечно же, о том, кто его воспитал и выдрессировал.

Серёжа стал героем дня. Недавно у них в классе очень много говорили о путешествии Севы Воронцова по горам Кавказа. Затем его вытеснила Катя Морошкина, двоюродная сестра которой завоевала второе место на областной спартакиаде. Катю Морошкину затмил поступивший в школу мальчик-туркмен Сапар со своими рассказами о пустынях, змеях, джейранах, верблюдах...

Теперь все эти знаменитости померкли перед Серёжей Мельниковым. Они потеснились, чтобы уступить Серёже первое место, и только завистливая Катя Морошкина начала плести против него всякие интриги. Она заявила, что Серёжа где-то стащил бланк со штампом кинофабрики и сам написал записку.

Узнав об этом, Серёжа впал в неистовый гнев, но по-

том успокоился и только небрежно сказал интриганке Морошкиной:

— Если хочешь, пойдём со мной вместе. Я попрошу, чтобы тебя пропустили. . .

Тут уж Морошкиной осталось только замолчать.

НАВСТРЕЧУ СЛАВЕ

Часы на кремлёвской башне отбили двенадцать медленных ударов. Пятница сошла со своей трудовой вахты, и её место заступила суббота.

Беспокойная ночь, уроки, звонок на перемену — всё это промелькнуло, как на экране. Приближался знаменательный час, когда Серёжа должен был отправляться с Макаром на «Ленфильм».

Да, это был волнующий час! Даже Вера Сергеевна позабыла о своём недавнем суровом отношении к Макару и вместе с Серёжей обсуждала, как доставить нашего героя к месту назначения. И только дедушка как будто ничего не замечал и всем своим поведением показывал, что всё происходящее нисколько его не интересует.

Но как же всё-таки везти Макара на киностудию?

Скатерть была забракована. Предстояла длительная поездка в трамвае, и такой способ был рискованным.

Вера Сергеевна внесла предложение использовать плетёную корзину с плотной крышкой, удобной ручкой и хорошим запором.

Корзина была поставлена на пол, внимательно исследована и признана целиком подходящей для сегодняшней цели. Сквозь редко переплетённые прутья свободно проходил воздух, и нашему герою не угрожал недостаток кислорода.

К тому же корзина была одобрена лично самим Макаром. Он сразу же вскочил в неё, разлёгся и не желал выходить. Может быть, на него нахлынули воспоминания

раннего детства. Может быть, он вспомнил другую корзину — высокую, тёмную, уютную...

Перед уходом Серёжа ободряюще потрепал его, закрыл крышку и вставил в петлю тугую палочку.

— Смотри же, — напутствовала Серёжу Вера Сергеевна, — не вздумай прыгать на ходу. Не открывая корзину, а то он выскочит... Не лезь первым с разговорами, а слушай, что тебе скажут старшие...

И ещё много полезного говорила ему мать, но сын, как водится, слушал не очень внимательно.

Когда Серёжа проходил с корзиной через двор, его окружили знакомые ребята, умоляя открыть крышку «хоть столечко». Всем хотелось взглянуть на нашего героя. Не странно ли?! Ведь они видели Макара каждый день! Таково притягательное действие славы!

Серёжа дошёл до остановки и сел с передней площадки заднего вагона. Не положено возить животных в трамвае, но он рассчитывал на благоразумие и рассудительность Макара. Ведь Макар, как мы знаем, умел молчать...

Когда трамвай стал медленно взбираться на крутизну моста, все пассажиры сразу повернули головы, чтобы ещё раз увидеть золотой блеск петропавловского шпиля и широкое стальное полотно Невы. Сейчас, в этот сияющий день, Нева потеряла свою обычную суровость,

как будто ей стало неудобно перед лицом этого чистейшего неба оставаться серо-свинцовой.

Было без десяти четыре, когда Серёжа подошёл с корзиной к дверям киностудии.

ПО ТУ СТОРОНУ ЭКРАНА

Вы можете десятки раз пройти мимо этого дома, не обнаружив ничего примечательного. Войдя в парадную, вы и здесь не увидите ничего интересного. Как и в любом учреждении, — лестницы, коридоры, двери. По этим коридорам и лестницам ходят люди в обыкновенных пиджаках и галстуках, с портфелями, папками, свёртками бумаг.

Человек в синем комбинезоне отобрал у Серёжи корзину с Макаром и куда-то её унёс. Серёжа огляделся. Неужели здесь делаются все чудеса мира?!

Ждать пришлось недолго. Его провели в съёмочный павильон, и мир чудес, спрятанный от посторонних взоров, открылся перед ним.

Здесь раздавалось мощное жужжание пропеллера, скрипели блоки, поднимавшие мачту, стучали молотки. Часть старинного деревянного судна с капитанским мостиком стояла посреди павильона. Тут же расхаживали какие-то молодцы в беретах, лихо сдвинутых шляпах или повязанные платками, с трубками в зубах, с серьгой в ухе, с необыкновенной татуировкой. Негр-кок примерял белую куртку и ослепительно улыбался. Тут же хлопотали операторы и осветители. Пока ещё слепые, огромные глаза юпитеров устались на эту суету, точно ожидая сигнала.

Высокий моряк, с бородой, похожей на взбитую мыльную пену, прошёл мимо Серёжи. Он держал в руках длинную подзорную трубу.

И вот голос из рупора ворвался в шумное оживление павильона. Разом вспыхнули и загудели юпитеры, ударив потоками сиреневого света. Серёжа увидел знакомого очка-

стого режиссёра. Сверкнули его очки, поднялась рука, и шум стал стихать.

Высокий моряк поднялся на капитанский мостик и стал оглядывать горизонт в подзорную трубу. Серёжа догадался, что это и есть капитан Джеральд Мак-Морней, суровый морской волк.

Застрекотал киноаппарат. Матросы, закатав штаны до колен, драили палубу и пели хриплыми голосами:

«Ветер мчится — хо-хо-хью! —
Прямо в Калифорнию,
Сакраменто — край богатый:
Золото гребут лопатой».

Киноаппарат смолк.

— Послушайте, вы же пираты, всякий сброд, — сказал очкастый. — Вы мечтаете, как бы добраться до ближайшего порта и задать стрекача со шхуны, сбежать от чёртова капитана. Кстати, вы не прочь прикончить его! Покажите мрачность, нежелание работать, скрытую угрозу в глазах...

Опять застрекотал аппарат. Снова матросы запели «Ветер мчится — хо-хо-хью!» Семь раз повторялось одно и то же, пока не был объявлен коротенький перерыв. А на

экране эта сцена займёт всего лишь несколько минут. Несколько минут, а сколько нужно труда!

И вдруг Серёжа засопел от волнения.

Он увидел седую женщину в тёмном халате, которая на руках держала Макара. Конечно, сейчас Макар вырвется и удерёт. Если в квартире он умеет прятаться так, что его не сразу найдёшь, то в павильоне его не разыщут и до завтра.

Но здесь не медлили и не ждали, когда Макару вздумается удрать. Кроме того, тут, очевидно, знали кое-какие средства. Седая женщина прилепила к шкуре Макара кусочек какого-то белого вещества, похожего на сливочное масло, и посадила нашего героя на палубу. Снопы света сошлись на нём. Макар растерянно огляделся, потом сел и стал слизывать белый кусочек, прилипший к его шкуре. Это действительно было масло, потому что он стал усиленно облизываться.

Да, ловко обманули Макара — и на каком пустячке!

Кинооператоры усиленно крутили ручки, снимая его тем самым крупным планом, о котором говорил очкастый возле

окна Серёжиной квартиры. Это означало, что отдельные изображения Макара займут весь экран.

Мимо нашего героя прошёл корабельный кок, оскалился в улыбке и почтительно снял белый колпак. Макар не обратил на него внимания. Он был целиком поглощён своим занятием. Пока он умывался и облизывался, на палубу выпустили маленькую обезьянку — мартышку. Корча уморительные гримасы, она вдруг запустила орехом в помощника режиссёра и так ловко попала в него, что тот тихонько чертыхнулся. Потом смешной, подпрыгивающей походкой она подошла к Макару. Макар принял решение молниеносно. Бац! Бац! Мартышка получила от него две пощёчины и схватилась за щеку.

Эта прелестная сценка была сыграна с необыкновенной искренностью. Это была настоящая находка, именно то, что нужно. Любимец капитана не желает, чтобы на шхуне ещё кто-то пытался захватить симпатии его хозяина. И эта находка далась сразу, без мучительных повторений, которые так часто встречаются при съёмках.

Очкастый ухмылялся от удовольствия. Макар опять был взят на руки. Мартышку унесли.

— Давайте ветер! — скомандовал очкастый.

Серёжа с восторгом смотрел на очкастого. Этот коротенький человек повелевал ветрами и бурями, устраивал кораблекрушения. . .

Можно догадаться, какие мысли были у Серёжи в эту минуту. Всё, чему он поклонялся ещё недавно, рухнуло — даже укрощение диких зверей. Он будет кинорежиссёром! Это решено!

Приказ коротенького, могущественного человека в очках был немедленно выполнен. Пропеллер загудел, и сильные, свистящие струи воздуха разметали паруса на шхуне. Не меньше тридцати рабочих раскачивали палубу, которая была укреплена на дугообразных полозьях. На колеблющийся мостик снова вышел капитан Мак-Морней. Раздались резкие слова команды:

— Убрать гроты и кливеры!

— Ослабить носовые фоки!

Стоп! Всё стихает. Слышен только голос очкастого.

— Капитан Мак-Морней! Вы взволнованы больше, чем положено старому морскому волку. Конечно, вы сознаёте всю опасность, которая грозит шхуне, но внешне ничего не показываете!

И снова скрипят полозья, гудит пропеллер, колеблется палуба. Кругом нет ни бушующего моря, ни свирепых волн.

Но это не беда. Кино не останавливается перед такими пустяками. Буря будет снята отдельно. Маленькая модель шхуны испытает все удары разыгравшегося шторма, плавая в аквариуме, а на экране зрители увидят всё по-настоящему и с замиранием сердца будут следить, как огромные океанские валы кидают шхуну, точно пустую скорлупку от ореха.

ЛЮБИМЕЦ КАПИТАНА

Капитану Мак-Морнею оставалось одно: спустить шлюпки и покинуть гибнущую шхуну.

Так и было сделано.

И вдруг он спохватился: на шхуне остался его любимец.

Тогда он решает повернуть шлюпку и вместе с юнгой взлезает обратно на палубу. Любимец капитана забрался на мачту, он обезумел от страха.

Юнга снимает его оттуда, рискуя жизнью, и передаёт капитану.

Сегодня в павильоне снимали только конец этого волнующего эпизода: капитан Мак-Морней принимает из рук юнги спасённого любимца. Остальное будет доснято позже.

Все, кто видел съёмку заключительной сцены, утверждают, что Макар провёл её с большой силой и драматическим напряжением. Он вырывался из рук юнги, а когда

капитан крепко прижал его к себе, оскалил клыки и зашипел.

Крупный план: суровое лицо капитана смягчается, глаза выражают радость. В руках у него — спасённый любимец. И только он знает, что именно в эту минуту любимец по-настоящему грызёт руку своего спасителя.

Перерыв. Наш герой опять сдан на хранение седой даме, а сам капитан, несмотря на то, что дело происходит во второй половине девятнадцатого века, достаёт из кармана пачку папирос «Беломорканал» и закуривает.

Посмеиваясь, он перевязывает себе руку носовым платком.

— Это что-о-о! Вот с тиграми сниматься — это да!

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

...И вот наш герой дома. Должно быть, нелёгким показалось ему путешествие в корзине и участие в киносъёмках. Ког-

да его выпустили, сколько тут было радости. Всегда такой сдержанный, он бурно ластился к Серёже, к Вере Сергеевне, потом вскочил на ручку дедушкиного кресла и стал тереться о дедушкино плечо.

И дальше произошло совсем уж небывалое: дедушка не замахал руками, не прогнал Макара, а только про-бурчал:

— Турнуть надо бы, да уж ладно... Потом ещё хлопот не оберёшься с такой персоной.

В анкете тоже произошли кое-какие изменения. На вопрос о том, чем занимается Макар в настоящее время, отвечено так:

Киноартист.

